

С наступлением сумерек Чу Чжаохуай перебрался в Тёплый павильон. Наконец-то он мог забыть о тесной и неудобной кровати-алькове.

Нуаньгэ примыкал к главной спальне, но оставался отдельным пространством. Он был просторнее, чем комнаты Чжаохуая в Линьане: за внутренней опочивальней располагалась уютная гостиная с низкими кушетками-тан, где можно было принимать гостей за чашкой чая. Убранство здесь отличалось изысканностью и тонким вкусом.

Единственным изъяном оставалось то, что павильон был соединен с покоем Цзи Сюня, и лекарь не мог вернуться к себе, не пройдя через спальню мужа.

Впрочем, Чжаохуай и этому был рад. Закончив с вечерним туалетом и собираясь наконец лечь в постель, он услышал из-за стены голос князя:

— Шэньи уже спит?

Чжаохуай недовольно поджал губы.

— Я уже лег. У Ванье какое-то срочное дело?

— Сегодня из дворца снова прислали «золотые пилюли», а вместе с ними и снадобья на этот месяц. Шэньи не желает взглянуть?

Чжаохуай мгновенно вскочил. Набросив на плечи верхнее платье, он со всех ног бросился в соседние покои:

— Иду!

Как истинный целитель, Шэньи давно мечтал своими глазами увидеть легендарные «золотые пилюли». Ему не терпелось узнать, действительно ли императорское зелье обладает той чудесной силой, о которой трубили на каждом углу.

Наконец-то представился случай.

Цзи Сюнь сидел, скрестив ноги, на кушетке в Нуаньгэ. Дверь была приоткрыта, и ледяной ветер, врываясь внутрь, изрядно выстудил комнату. Услышав шум, князь небрежно вскинул голову и на мгновение замер, не сводя глаз с вошедшего.

Поверх тонкого исподнего на Чжаохуае был лишь тот самый черный плащ, что недавно

подарил ему Цзи Сюнь. Юноша выбежал босиком, наспех обувшись в деревянные сабо, которые гулко стучали по полу. Дневной венец был снят, и волосы, черные как тушь, лишь небрежно перехвачены лентой, спускаясь тяжелой волной до самых колен. В этом облике сквозила редкая для него домашняя леность и мягкость.

— Ну-ка, дайте посмотрю, — Чжаохуа с недоломлю любопытства. Скинув сабо, он взобрался на кушетку и, не в силах скрыть воодушевления, затараторил: — Я в жизни не видел лекарств, которые принимают в знатных семьях! Слышал, мастера из башни Вансянь — великие знатоки алхимии. То, что они подносят Его Величеству, должно быть редчайшим сокровищем. Сколько штук император пожаловал Ванье на этот раз? Можно мне попробовать на вкус?

Цзи Сюнь хранил молчание, пожирая его потемневшим взглядом.

Юноша, не дождаввшись ответа на свой поток слов, удивленно помахал ладонью перед лицом князя:

— Ванье? Ванье, вы меня слышите?

Цзи Сюнь даже не моргнул. Словно и не он только что пребывал в глубокой задумчивости, он лениво перехватил тонкое запястье супруга:

— Сядь смирно.

— О, — Чжаохуа послушно выпрямился. Заметив, что на лбу мужа выступила испарина, он замаялся и предложил: — Может, закроем дверь? Или перейдем в другое место?

В павильоне вовсю жарко дышали жаровни с углем, пол был теплым, и даже сквозь открытую дверь веяло жаром.

Цзи Сюнь проигнорировал предложение и лишь коротко бросил:

— Чжуншань.

Инь Чжуншань бесшумно вошел, неся поднос, и осторожно поставил его на низкий столик. На подносе красовался нефритовый флакон и кучка сероватого порошка, похожего на толченый камень.

Чжаохуа принялся к снадобью, которое обычно принимал муж:

— И впрямь, «тигриное лекарство». Совсем как Порошок пяти минералов — жгучее и иссушающее. Должно быть, когда Ванье ранили, в тело проник холод... А что до этого высокого зелья...

К грубым стимуляторам лекарь интереса не питал, поэтому быстро перевел тему на императорский дар.

Цзи Сюнь подпер подбородок рукой, лениво наблюдая за ним.

Поскольку это было подношение императора, нефритовый флакон сам по себе был произведением искусства. Поговаривали, будто пилюли из Вансянь обладают силой продлевать годы и исцелять любые яды. Поколебавшись, Чжаохуай не выдержал и открыл флакон.

«Императорское лекарство» оказалось круглым и багрово-красным. Оно источало странный аромат — смесь горечи и сладости с легким металлическим привкусом.

Киноварь, дудник, женьшень... и, кажется, сера?

Чжаохуай, нахмурившись, пытался распознать компоненты. В этом составе он учуял сразу несколько веществ, которые по праву считались ядами.

«Неужели это действительно принимают как лекарство?»

Цзи Сюнь и без того травил себя «тигриными снадобьями» и поддерживал жизнь ядовитыми ароматами. Если он добавит к этому еще и такие пилюли, не отправится ли он на тот свет еще быстрее?

Пальцы Чжаохуая были длинными и тонкими. Зажав багровую пилюлю двумя пальчиками, он вертел её так и эдак, пока всё же не удержался и поднес к самым губам. Он явно собирался попробовать её на вкус.

Цзи Сюнь, не сводивший с него глаз, резко перехватил его руку. Чжаохуай в замешательстве вскинул голову.

Лицо князя потемнело от гнева:

— Жить надоело?

Пульс под пальцами князя бился ровно. Хоть он и был слаб, но оставался чистым — в отличие от крови самого Цзи Сюня, которая давно была пропитана этим ядом до мозга костей. Князь чувствовал себя так, точно застрял в зловонной трясине, из которой нет выхода.

Чжаохуай вздрогнул.

— Я не собирался её глотать, — пробормотал он. — Только лизнуть. Один компонент никак не

могу распознать.

Цзи Сюнь осознал, что среагировал чересчур бурно. Впрочем, бесстыдства ему было не занимать, поэтому он не выказал смущения. Напротив, он продолжал крепко держать юношу за запястье и холодно произнес:

— Знаю я ваше «только лизнуть». Вдруг Шэньи не сдержится и проглотит целиком?

Чжаохуай обиженно поджал губы.

«Это ты у нас зависимый, а не я»

Чувствуя, что спорить бесполезно, Божественный лекарь в этой неловкой позе медленно подался вперед. Он нехотя высунул кончик языка и едва коснулся пилюли, зажатой в пальцах.

Хм, очень знакомый вкус.

Он лизнул еще раз.

С того места, где сидел Цзи Сюнь, было видно, с каким усердием Чжаохуай пробует снадобье. Неизвестно, что было подмешано в эту пилюлю, но после прикосновения к ней бледные губы юноши окрасились, точно их мазнули яркой киноварью.

Хватка Цзи Сюня на запястье лекаря медленно усилилась.

Обычно лица людей казались князю безликими и серыми, но это лицо он внезапно нашел прекрасным. Оно было столь пленительным, что в душе поднялась темная волна — желание поглотить его, слиться воедино.

«Если бы я мог полностью завладеть им... Запереть в этом павильоне, чтобы он никуда не мог уйти... Смог бы я тогда унять эту жажду власти и контроля, что раздражает мне грудь?»

— Ванъе! — негромко позвал Чжаохуай. — Ванъе... кхм, Цзи Минчэнь...

Внезапная сладость этого имени, сорвавшегося с губ юноши, отозвалась в сердце князя и волной захлестнула разум. Взгляд его стал тяжелым и прямым:

— Как ты меня назвал?

Чжаохуай, видя, что муж снова «завис», решил втихомолку окликнуть его по имени, но не ожидал, что будет услышан. Он виновато облизнул губы:

— Никак. Я с вами разговариваю, а вы вечно где-то витаєте.

Цзи Сюнь не сводил глаз с его алых губ. Его кадык дернулся:

— Хм? И что же ты сказал?

Чжаохуай: «...»

Юноша нахмурился и громко позвал:

— Ин-гунлин!

Инь Чжуншань мгновенно вырос в дверях:

— Какие будут указания, Шэньи?

Чжаохуай подавил невольную улыбку и спросил:

— Скажите, а за несколько дней до приема лекарства у Ванье всегда наблюдается такая... рассеянность и помутнение рассудка?

Инь Чжуншань замялся:

— Э-э, ну...

Князь обычно отличался ясным умом и редко когда отвлекался от реальности. Цзи Сюнь лениво покосился на гвардейца.

Тот немедленно сменил тон и отрезал:

— Да, именно так! Совсем голову теряет, симптомы налицо. Умоляю, Шэньи, исцелите его своим чудесным мастерством!

— Вот оно что, — Чжаохуай озабоченно вздохнул. — Тогда проследите, чтобы цепи были потяжелее. Не хватало еще, чтобы Ванье сам себя покалечил.

— Слушаюсь! — с серьезным видом ответил гвардеец и удалился.

Цзи Сюня мало заботила перспектива оказаться в цепях. Он лишь тихо посмеивался, подперев

голову рукой. С каждым разом Чжаохуай казался ему всё интереснее. Обычно тот вел себя как тихая мышка, вздрагивая от каждого взгляда, но стоило заговорить о медицине — и юноша словно преобразался. В нем просыпалась уверенность, вескость и стать опытного мастера.

Положив пилюлю обратно на поднос, Чжаохуай нахмурился и протянул руку к шее князя.

Цзи Сюнь, по натуре подозрительный и не привыкший подпускать кого-либо к своим уязвимым местам, инстинктивно отпрянул.

Рука лекаря замерла в воздухе.

— Чего вы избегаете? — удивился Чжаохуай. — Я хочу проверить пульс.

Цзи Сюнь вскинул бровь:

— На шее?

— Ну да, — юноша приподнялся и, перегнувшись через столик, ухватил князя за ворот. Приложив пальцы к месту, где пульсировала жила, он буднично пояснил: — На шее биение сердца тоже можно прощупать. Раз в последние дни вы то и дело впадаете в забытие, мне нужно проверить состояние, чтобы за ночь составить новый рецепт.

Цзи Сюнь: «...»

Пальцы Чжаохуая были теплыми. Пока он вел осмотр, его голос звучал наставительно:

— Эти пилюли куда опаснее ваших прежних снадобий. Если принимать их постоянно, долго вы не протянете. Оставьте их.

Князь вдыхал тонкий аромат трав, исходивший от рукава юноши.

— Хорошо.

Закончив проверку, Чжаохуай снова сел. Он так долго сидел чинно, что ноги затекли, и он, пользуясь тем, что плащ скрывает его движения, решил немного вытянуть их. Ноги юноши почти упирались в Цзи Сюня, но тот сделал вид, что не замечает этого.

— Раз мастерство Шэньи столь велико, — лениво протянул князь, — что еще ты выведаль?

Чжаохуай замер. Он осторожно взглянул на мужа. Он был еще слишком молод и не умел до конца скрывать свои мысли — по лицу было ясно, что он обнаружил нечто такое, о чем боится

говорить вслух.

Цзи Сюнь усмехнулся:

— Говори как есть.

— Кхм, — Чжаохуай откашлялся. — Я давно хотел спросить... Кажется, ноги Ванъе давно зажали. Зачем же вы целыми днями сидите в кресле-каталке?

Взгляд Цзи Сюня мгновенно стал острым.

Чжаохуай тут же пожалел о сказанном и поспешно прикрыл рот ладонью:

— Простите, я сболтнул лишнего.

Минутная слабость князя прошла. Он спокойно посмотрел на супруга:

— Это тоже пульс подсказал?

Если так, то это было уже за гранью человеческих возможностей.

Видя, что муж не отрицает очевидного и вроде бы не злится, Чжаохуай немного успокоился.

— Нет, — послушно ответил он. — Просто недавно я услышал, как Ванъе ходит. Звук шагов совсем не такой, как у хромого.

Цзи Сюнь медленно улыбнулся, точно затеял праздную беседу:

— И откуда же Шэньи так хорошо знает походку калек, что может различить её по звуку?

Чжаохуай не уловил странной интонации в голосе мужа и сухо бросил:

— Должно быть, я просто очень внимателен к деталям.

Цзи Сюнь: «...»

Похвалив себя, юноша заметил, что лицо князя омрачилось, и поспешил добавить:

— Ванъе может быть спокоен. Я никому об этом не скажу.

Он понимал, что император и без того опасается брата. Если станет известно, что Цзин-ван притворяется калекой, его немедленно заподозрят в тайных замыслах. Для Цзи Сюня это было бы крайне опасно.

Князь улыбался, но глаза его оставались холодными. Под столиком он внезапно нащупал вытянутую ногу Чжаохуая и ледяными пальцами начал медленно поглаживать её.

Чжаохуай был слишком худым, а домашнее платье — просторным. Большая ладонь Цзи Сюня могла бы целиком обхватить его лодыжку, и еще осталось бы место.

Тонкая голень казалась хрупкой. Стоило чуть сильнее надавить — и кость сломалась бы, сделав юношу настоящим калекой.

«Может быть, тогда он перестал бы грезить о возвращении в Линьянь?»

Чувствуя прикосновение к ноге, юноша весь одеревенел. Он не понимал, что это за новый «симптом» у Цзи Сюня, и уже хотел было вырваться и позвать Инь Чжуншаня.

Князь не убирал руки. Его пальцы медленно сжимались. Но стоило ему надавить чуть сильнее, как он почувствовал неладное.

Он приподнял край штанины. В неверном свете свечей на белоснежной, точно снег, коже правой голени Чжаохуая проступил шрам.

Это не была недавняя царапина от камня. Это был старый, глубокий след, похожий на укусы хищного зверя — уродливый и жуткий. Глядя на эти отметины, можно было не сомневаться: в тот день голень была перекушена почти насквозь.

Цзи Сюнь замер.

Чжаохуай, поняв, что его тайна раскрыта, вспыхнул до корней волос и поспешно одернул одежду:

— Ванъе?

Князь убрал руку. В его голосе нельзя было разобрать ни тепла, ни гнева:

— Откуда это?

Чжаохуай украдкой взглянул на него и, решив открыться, негромко произнес:

— В детстве я попал на охотничьи угодья Террасы Пулу и встретил снежного волка. Он едва не загрыз меня.

Цзи Сюнь нахмурился.

Чжаохуай с надеждой посмотрел на него, давая еще одну подсказку:

— В самый последний миг, когда я уже прощался с жизнью... раздался свист стрелы. Какой-то благородный человек спас меня. Я... до сих пор храню в сердце благодарность и никогда его не забуду.

Князь опустил взгляд туда, где юноша прятал свою ногу. Перед глазами всё еще стоял тот уродливый шрам, за которым виделись отголоски давней боли и крови.

Вот, значит, почему он так хорошо знает походку калек.

Цзи Сюнь всегда был человеком жестоким и коварным, идущим к цели по головам. Сейчас, когда болезнь была на пороге, его гнев становился почти неуправляемым. Но этот шрам точно выжег след в его памяти. Странное дело: он, только что готовый раздробить лодыжку юноши, ощутил мимолетное, почти невозможное для него чувство — сожаление.

«Не стоит... так часто причинять ему боль»

На лице князя не дрогнул ни один мускул. Заметив блеск в глазах Чжаохуая, он холодно обронил:

— Твой спаситель?

— Угу, — Чжаохуай просиял, думая, что муж наконец-то вспомнил. — За такое спасение жизни нужно платить сторицей. Все эти годы я мечтал найти его и отблагодарить.

Лицо Цзи Сюня становилось всё холоднее.

«Неужели, найди он того человека, он смотрел бы на него так же? Этим чистым, сияющим взглядом, напоминающим блики на озерной глади?»

— В таком случае, — сухо бросил князь, — желаю Шэньи поскорее найти своего героя.

С этими словами он, даже не трудясь изображать хромоту, резко поднялся и, напустив на себя мрачный вид, вышел прочь.

Чжаохуай в замешательстве смотрел ему вслед.

«Неужели не вспомнил?»

Впрочем, Ванье — человек знатный. Должно быть, для него спасение безвестного мальчишки было лишь мимолетным делом, которое он тут же выбросил из головы.

Но почему он рассердился?

Неужели болезнь делает характер Цзи Сюня столь переменчивым?

«Завтра нужно будет расспросить Инь Чжуншаня», — пробормотал лекарь.

Плотно закутавшись в плащ, он вернулся к себе, чтобы до рассвета закончить работу над новым рецептом.

<http://bllate.org/book/15341/1412280>